

Музей Достоевского

Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского был открыт 12 ноября 1971 года в доме на Кузнечном переулке 5/2. В этом доме Достоевский дважды снимал квартиру: в течение очень короткого времени в 1846 году и с октября 1878 года до дня своей смерти – 28 января 1881 года. Начало и конец творческого пути оказались сопряженными в одной точке. Здесь к нему пришла литературная слава после публикации первого романа «Бедные люди», здесь он работал над ранней повестью «Двойник», здесь был написан его последний роман «Братья Карамазовы».

Сердцем музея является мемориальная квартира писателя, воссозданная по воспоминаниям его жены и современников. Её дополняет литературная экспозиция, посвященная жизни и творчеству Ф. М. Достоевского. В распоряжении музея находятся два выставочных зала, а также театральный зал.

На протяжении последних лет Музей Достоевского занимается разработкой занятий для детей. Для ребят 7-12 лет подготовлена интерактивная экскурсия «В гости к писателю», посвященная домашней жизни Ф. М. Достоевского и его семьи, праздничное занятие «Рождественские истории в доме Достоевского», литературная мастерская «Игра в портреты». Ежегодно Музей Достоевского принимает участие в фестивале «Детские дни», а с 2016 года является постоянным участником проектом школьно-музейного сотрудничества «Литературный багаж». Дважды лучшие работы, выполненные в рамках проекта «Литературный багаж», выставлялись на Ночи музеев и были основой мастер-класса на общегородском празднике День Достоевского. Также традиционно проводятся обзорные экскурсии по музею и пешеходные экскурсии по городу, посвященные роману «Преступление и наказание».

Во второй раз Музей разрабатывает интерактивные выставки для детей: в 2017 году выставка была посвящена С. Я. Маршаку, в 2018 – Б. В. Заходеру как переводчику детской литературы и автору стихотворений для детей.

Миссия Музея

- Популяризировать, представлять и исследовать творческое наследие Ф.М.Достоевского;
- Хранить и обогащать коллекцию живописи, графики, прикладного искусства, научных изданий, связанных с личностью и творчеством писателя;
- Формировать культурную и образовательную среду Петербурга, быть не просто хранилищем музейных экспонатов, но современным культурным и просветительским центром, в том числе в сфере литературы;
- Являться креативной площадкой для реализации новых театральных, образовательных, выставочных проектов, а также для проектирования общегородских мероприятий;
- Формировать диалог между современным человеком и литературным и культурным наследием Санкт-Петербурга и России.

Контактная информация

Часы работы:

вторник, четверг, пятница, суббота, воскресенье – с 11.00 до 18.00
(касса до 17.30)

среда – с 13.00 до 20.00 (касса до 19.30)

понедельник – выходной.

Стоимость билетов:

Взрослые граждане РФ – 150 рублей

Школьники, пенсионеры, студенты – 50 рублей

дети до 7 лет, участники ВОВ, инвалиды всех групп, военнослужащие, сотрудники музеев – бесплатно.

Стоимость экскурсионного обслуживания – 1600 рублей. Для школьных групп до 20 человек стоимость школьных билетов и одного взрослого билета включена в цену экскурсионной путевки. Для взрослых экскурсионных групп требуется приобретение входных билетов. Все экскурсии и музейные занятия, в том числе «Писатель – тоже человек», проводится только по предварительному заказу, выполненному не менее чем за 5 дней до предполагаемой даты.

Заказ экскурсий, программ: (+7 812) 571 40 31 (по будням с 11 до 17 ч.)

Куратор проекта «Литературный багаж» – научный сотрудник Мария Владимировна Михновец +79218694347 mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Музейное занятие «Писатель – тоже человек!».

Описание занятия

Музейное занятие посвящено важному вопросу о соотношении автора, рассказчика и героя в литературном произведении. Распространенная ошибка школьника при изучении курса литературы – это неразделение биографического автора, реально существовавшего человека и автора-повествователя, выражающего особый взгляд на мир в произведении. Кроме того, зачастую ученики не понимают разницу между героем и рассказчиком в художественном произведении. Во время музейного занятия ребята исследуют мемориальную квартиру писателя, пытаюсь ответить на вопросы: как можно соотносить реальную и творческую биографию писателя? Чем руководствуется писатель, перерабатывая жизненный материал и создавая на его основе художественный образ автора? Всегда ли реальные, жизненные факты биографии писателя имеют соответствие в художественном образе и нужно ли знать биографию автора для более полного понимания его произведений?

Школьники пройдут по квартире, где Ф. М. Достоевский жил со своей женой и детьми, познакомятся с отрывками воспоминаний о писателе, его собственными письмами и другими биографическими свидетельствами. Параллельно ученикам будут предложены для чтения фрагменты художественных произведений Достоевского («Бедные люди», «Белые ночи» и др.), тематически пересекающиеся с отобранным мемуарным материалом. В конце занятия ученики должны будут сделать вывод о соотношении двух ипостасей автора, биографической и литературной, и попробовать ответить на вопрос, что обуславливает принцип отбора и трансформации жизненного материала при создании произведения искусства.

Подготовка к посещению занятия и ход дальнейшей работы

Сложная литературоведческая задача, которую ставит перед собой занятие «Писатель – тоже человек!», будет решаться на языке, доступном для детей 12-15 лет, с использованием интерактивных и игровых методик работы. Помещение музейного занятия не предполагает обязательного предварительного знакомства ни с биографией Достоевского, ни с его произведениями, ни теоретической подготовки детей. Тем не менее по желанию учитель перед посещением музея может провести урок, знакомящий учеников с основными событиями жизни писателя и в самом общем виде дать представление о тематике и проблематике его произведений.

Уважаемые учителя! Не забудьте заблаговременно, не менее чем за неделю записаться на музейное занятие по телефону 571-40-31. Куратор проекта не занимается организацией и записью на программы! Обратите внимание: максимальное количество детей в группе – 12 человек. Если количество детей больше двенадцати, вы обязательно должны разделить свой класс на две группы. Поскольку одновременное посещение мемориальной квартиры двумя группами невозможно, к сожалению, мы предлагаем только поочередное посещение музея с интервалом в один час.

После занятия проектные коллективы работают над созданием собственных мобильных мини-выставок, так называемых «багажей». Это может быть чемодан самого Достоевского, сопоставление двух багажей: писателя и его героя. Ученики могут создать багаж, принадлежавший одному из детей Достоевского, багаж героя-мечтателя из «Белых ночей» или же Макара Девушкина из «Бедных людей».

«Что ещё»: культурный контекст произведения

Для расширения культурного контекста произведения учащиеся могут познакомиться со следующими материалами:

1. Послушать материал мобильного аудиогuida по мемориальной квартире писателя на сайте либо же через мобильное приложение izi.travel <https://izi.travel/en/f3ad-literaturno-memorialnyy-muzey-f-m-dostoevskogo/ru>
2. Пройти по экскурсионному маршруту с мобильным путеводителем и познакомиться с историей публикации романа «Бедные люди», а также увидеть дворы-колодцы, находящиеся неподалеку от Музея Достоевского <https://izi.travel/en/375c-okrestnosti-vladimirskey-ploshchadi-mir-dostoevskogo-i-ego-geroev/ru>
3. Посмотреть видеофрагмент из кинофильма «Идиот» (2003, реж. В. Бортко) с рассказом князя Мышкина о смертной казни и сопоставить его с воспоминаниями Достоевского, его письмами и воспоминаниями его жены (познакомиться с отрывками можно ниже) <https://www.youtube.com/watch?v=jYN40R9Hjtg> (для подготовленных школьников)
4. Посмотреть фильм «Белые ночи» (1957, реж. Л. Висконти), «Белые ночи» (1959, реж. И. Пырьев), попробовать сравнить две интерпретации (для подготовленных школьников)

Учителя могут познакомиться со следующими литературоведческими теоретическими работами, посвященными проблемами автора, героя и рассказчика в художественном произведении:

1. *Корман Б. О.* Эпическое произведение // Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. — М., 1972. С. 20—56.

2. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. — М., 1995. С. 9—220.

3. *Атарова К. Н., Лескисс Г. А.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Теория литературы. Практическая поэтика : учеб.-метод. комплекс по курсу «Теория литературы. Практическая поэтика»: хрестоматия для вузов / сост. И. Н. Сухих. — СПб., 2014.

4. Автор (Тамарченко Н. Д.). Несобственно-прямая речь (Кравченко Э. Я.). Повествователь (Тамарченко Н. Д.). Повествовательная ситуация (Лобанова Г. А.). Полифония (Магомедова Д. М.). Рассказчик (Тамарченко Н. Д.). Сказ (Кравченко Э. Я.). Точка зрения (Тамарченко Н. Д.). // *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий.* — М., 2008. С. 11—14; 145; 167—169; 169; 174—176; 202—203; 233—235; 266—267.

5. *Манн Ю. В.* Автор и повествование // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М., 1994. С. 431—480.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Письмо Ф. М. Достоевского брату Михаилу вечером после гражданской казни

М.М. Достоевскому (22 декабря 1849)

Петропавловская крепость.

22 декабря.

Брат, любезный друг мой! всё решено! Я приговорен к 4-х-летним работам в крепости (кажется, Оренбургской) и потом в рядовые. Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, след<овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минуты. Я вспомнил тебя, брат, всех твоих; в последнюю минуту ты, только один ты, был в уме моем, я тут только узнал, как люблю тебя, брат мой милый! Я успел тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возле, и проститься с ними. Наконец ударили отбой, привязанных к столбу привели назад, и нам прочли, что его императорское величество дарует нам жизнь. Затем последовали настоящие приговоры. Один Пальм прощен. Его тем же чином в армию.

Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видетсья с тобой. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв. Я боюсь, что тебе как-нибудь был известен наш приговор (к смерти). Из окон кареты, когда везли на Семен<овский> плац, я видел бездну народа; может быть, весть уже прошла и до тебя, и ты страдал за меня. Теперь тебе будет легче за меня. Брат! я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с возвышенными потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь! *On voit le soleil!*

Ну, прощай, брат! Обо мне не тужи! Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листков моей рукописи (чернового плана драмы и романа и оконченная повесть «Детская сказка») у меня отобрали и достанутся, по всей вероятности, тебе. Мое пальто и старое платье тоже оставляю, если пришьешь взять их. Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, коль получишь это письмо и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха (по особенному обстоятельству). Пришли тоже несколько строк от себя. Потом, если получатся московские деньги, — похлопочи обо мне и не оставь меня... Ну вот и всё! Есть долги, но что с ними делать?!

Целуй жену свою и детей. Напоминай им обо мне; сделай так, чтоб они меня не забывали. Может быть, когда-нибудь увидимся мы? Брат, береги себя и семью, живи тихо и предвиденно. Думай о будущем детей твоих... Живи положительно.

Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь. Но вынесет ли тело: не знаю. Я отправляюсь нездоровый, у меня

золотуха. Но авось-либо! Брат! Я уже переиспытал столько в жизни, что теперь меня мало что утешит. Будь что будет! При первой возможности уведомя тебя о себе.

Скажи Майковым мой прощальный и последний привет. Скажи, что я их всех благодарю за их постоянное участие к моей судьбе. Скажи несколько слов, как можно более теплых, что тебе самому сердце скажет, за меня, Евгении Петровне. Я ей желаю много счастья и с благодарным уважением всегда буду помнить о ней. Пожми руку Николаю Аполлонов<ичу> и Аполлону Майкову; а затем и всем.

Отыщи Яновского. Пожми ему руку, поблагодари его. Наконец, всем, кто обо мне не забыл. А кто забыл, так напомни. Поцелуй брата Колю. Напиши письмо брату Андрею и уведомя его обо мне. Напиши дяде и тетке. Это я прошу тебя от себя, и кланяйся им за меня. Напиши сестрам: им желаю счастья!

А может быть, и увидимся, брат. Береги себя, доживи, ради Бога, до свидания со мной. Авось когда-нибудь обнимем друг друга и вспомним наше молодое, наше прежнее, золотое время, нашу молодость и надежды наши, которые я в это мгновение вырываю из сердца моего с кровью и хороню их.

Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через 4-ре года будет возможно. Я перешлю тебе всё, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною вновь, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках.

Пиши ко мне чаще, пиши подробнее, больше, обстоятельнее. Распространяйся в каждом письме о семейных подробностях, о мелочах, не забудь этого. Это даст мне надежду и жизнь. Если б ты знал, как оживляли меня здесь в каземате твои письма. Эти два месяца с половиной (последние), когда было запрещено переписываться, были для меня очень тяжелы. Я был нездоров. То, что ты мне не присылал по временам денег, измучило меня за тебя: знать, ты сам был в большой нужде! Еще раз поцелуй детей; их милые личики не выходят из моей головы. Ах! Кабы они были счастливы! Будь счастлив и ты, брат, будь счастлив!

Но не тужи, ради Бога, не тужи обо мне! Знай, что я не уныл, помни, что надежда меня не покинула. Через четыре года будет облегчение судьбы. Я буду рядовой, — это уже не арестант, и имей в виду, что когда-нибудь я тебя обниму. Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслию, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу!

Если кто обо мне дурно помнит, и если с кем я поссорился, если в ком-нибудь произвел неприятное впечатление — скажи им, чтоб забыли об этом, если тебе удастся их встретить. Нет желчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить и обнять хоть кого-нибудь из прежних в это мгновение. Это отрада, я испытал ее сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. Я думал в ту минуту, что весть о казни убьет тебя. Но теперь будь покоен, я еще живу и буду жить в будущем мыслию, что когда-нибудь обниму тебя. У меня только это теперь на уме.

Что-то ты делаешь? Что-то ты думал сегодня? Знаешь ли ты об нас? Как сегодня было холодно!

Ах, кабы мое письмо поскорее дошло до тебя. Иначе я месяца четыре буду без вести об тебе. Я видел пакеты, в которых ты присылал мне в последние два месяца деньги; адрес был написан твоей рукой, и я радовался, что ты был здоров.

Как оглянусь на прошедшее да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неуменье жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья. *Si jeunesse savait!* Теперь, переменя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, всё утешение мое.

Казематная жизнь уже достаточно убила во мне плотских потребностей, не совсем чистых; я мало берег себя прежде. Теперь уже лишения мне нипочем, и потому не пугайся, что меня убьет какая-нибудь материальная тягость. Этого быть не может. Ах! кабы здоровье!

Прощай, прощай, брат! Когда-то я тебе еще напишу! Получишь от меня сколько возможно подробнейший отчет о моем путешествии. Кабы только сохранить здоровье, а там и всё хорошо!

Ну прощай, прощай, брат! Крепко обнимаю тебя; крепко целую. Помни меня без боли в сердце. Не печалься, пожалуйста, не печалься обо мне! В следующем же письме напишу тебе, каково мне жить. Помни же, что я говорил тебе: рассчитай свою жизнь, не трать ее, устрой свою судьбу, думай о детях. — Ох, когда бы, когда бы тебя увидеть! Прощай! Теперь отрываюсь от всего, что было мило; больно покидать его! Больно переломить себя надвое, перервать сердце пополам. Прощай! Прощай! Но я увижу тебя, я уверен, я надеюсь, не изменишь, люби меня, не охлаждай свою память, и мысль о любви твоей будет мне лучшею частию жизни. Прощай, еще раз прощай! Все прощайте!

Твой брат Федор Достоевский.

22 декабря 49-го года.

У меня взяли при аресте несколько книг. Из них только две были запрещенные. Не достанешь ли ты для себя остальных? Но вот просьба: из этих книг одна была «Сочинения Валериана Майкова», его критики — экземпляр Евгении Петровны. Она дала мне его как свою драгоценность. При аресте я просил жандармского офицера отдать ей эту книгу и дал ему адрес. Не знаю, возвратил ли он ей. Справься об этом! Я не хочу отнять у нее это воспоминание. Прощай, прощай еще раз.

Твой Ф. Достоевский.

Не знаю, пойду ли я по этапу или поеду. Кажется, поеду. Авось-либо!

Еще раз: пожми руку Эмилии Федоровне и целуй деток. — Поклонись Краевскому, может быть...

Напиши мне подробнее о твоём аресте, заключении и выходе на свободу.

Отрывок из воспоминаний Анны Григорьевны Достоевской, жены писателя:

Почему-то разговор коснулся петрашевцев и смертной казни. Федор Михайлович увлекся воспоминаниями.

- Помню, - говорил он, - как стоял на Семеновском плацу среди осужденных товарищей и, видя приготовления, знал, что мне остается жить всего пять минут. Но эти минуты представлялись мне годами, десятками лет, так, казалось, предстояло мне долго жить! На нас уже одели смертные рубашки и разделили по трое, я был восьмым, в третьем ряду {3}. Первых трех привязали к столбам. Через две-три минуты оба ряда были бы расстреляны, и затем наступила бы наша очередь. Как мне хотелось жить, господи боже мой! Как дорога казалась жизнь, сколько доброго, хорошего мог бы я сделать! Мне припомнилось все мое прошлое, не совсем хорошее его употребление, и так захотелось все вновь испытать и жить долго, долго... Вдруг послышался отбой, и я ободрился. Товарищей моих отвязали от столбов, привели обратно и прочитали новый приговор: меня присудили на четыре года в каторжную работу. Не запомню другого такого счастливого дня! Я ходил по своему каземату в Алексеевском равелине и все пел, громко пел, так рад был дарованной мне жизни! Затем допустили брата проститься со мною перед разлукой и накануне рождества Христова отправили в дальний путь. Я сохраняю письмо,

которое написал покойному брату в день прочтения приговора, мне недавно вернул письмо племянник.

Отрывки из публицистического издания Ф. М. Достоевского «Дневник писателя» (1873 г., гл. 15):

... я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни, и уверяю вас, что стоял в компании людей образованных. Почти вся эта компания кончила курс в самых высших учебных заведениях. Некоторые впоследствии, когда уже всё прошло, заявили себя замечательными специальными знаниями, сочинениями.

Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех; но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений. Это дело давнопрошедшее, а потому, может быть, и возможен будет вопрос: неужели это упорство и нераскаяние было только делом дурной природы, делом недоразвитков и буянов? Нет, мы не были буянами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми. Приговор смертной казни расстрелянем, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас (я знаю положительно), инстинктивно углубляясь в себя и проверяя мгновенно всю свою, столь юную еще жизнь, может быть, и раскаивались в иных тяжелых делах своих (из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат в тайне на совести); но то дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится! И так продолжалось долго. Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга. Нет, нечто Другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши (я, разумеется, позволяю себе говорить лишь о тех из нас, об изменении убеждений которых уже стало известно и тем или другим образом засвидетельствовано ими самими). Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастье, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его.